

УДК 323.28

DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.107117

ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ*

Старостин Алексей Николаевич,

Уральский государственный горный университет,
доцент кафедры теологии,
Уральский федеральный университет,
доцент кафедры археологии и этнологии,
кандидат исторических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: alisheria@mail.ru

Суслонов Павел Евгеньевич,

Уральский государственный горный университет,
доцент кафедры теологии,
Уральский федеральный университет,
доцент кафедры организации работы с молодежью,
кандидат философских наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: r.suslonow2010@yandex.ru

Шиллер Вадим Викторович,

Кемеровский государственный медицинский университет,
доцент кафедры истории,
кандидат исторических наук,
Кемерово, Россия,
E-mail: shiller.vadim@yandex.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00411.

Аннотация

В статье анализируются основные формы и методы деятельности по предупреждению и профилактике экстремистских проявлений среди различных категорий населения в Российской Федерации, применяемые органами государственной и муниципальной власти совместно с институтами гражданского общества. Дается классификация мероприятий антиэкстремистской направленности по уровню глубины воздействия на целевую аудиторию, а также дается теоретическое описание моделей профилактики, сложившихся в различных регионах страны.

Ключевые слова:

профилактика, экстремизм, терроризм, радикализм, деструктивность.

Профилактика экстремизма как формы девиантного поведения и вида общественной угрозы занимает особое место в системе деятельности российских органов власти различного уровня, правоохранительных органов и институтов гражданского общества.

Современные дефиниции экстремизма понимают данный феномен как совокупность деструктивных псевдоисторических идей, реализуемых в форме радикальных публичных призывов и практических действий, зачастую носящих насильственный характер и направленных на раскол общества и разрушение государства.

Акцент в определениях экстремизма делается на информацию, формирующую систему деструктивных взглядов. Несмотря на то, что массовые экстремистские настроения и проявления детерминируются совокупностью социально-экономических, политических и культурно-информационных факторов, определяющую роль в условиях информационного общества играет намеренное или случайное искажение общественного и исторического знания. Именно поэтому основная часть экстремистских проявлений, за которые в России привлекают к уголовной и административной ответственности, связана с неправильной или искаженной трактовкой общественных событий и фактов истории и современности, чему, как показывает практика, в наибольшей степени подвержены представители молодежи с не до конца сформированной системой ценностей [3; 9; 17].

Интернет-пространство и виртуальные социальные сети выступают в этом контексте инструментом формирования и закрепления деструктивных установок и настроений у их активных пользователей. Это обусловлено высокой степенью доверия молодежного сегмента общества именно к этому источнику информации.

В отличие от ряда других стран, где экстремизм в обязательном порядке должен содержать насильственные действия практического характера (так называемый «насильственный экстремизм»), в Российской Федерации под действие уголовного закона попадает, в том числе, публичное распространение материалов, содержащих деструктивную информацию, возбуждающую вражду, либо ненависть в отношении группы лиц по расовому, национальному, религиозному, социальному или половозрастному признаку.

Акцент на информационной составляющей обусловлен пониманием информационной природы экстремизма, согласно которой любому практическому действию насильственного характера, направленному против представителей определенной национальности, конфессии, расовой или социальной группы, предшествует публичное распространение деструктивной информации, формирующей определенные установки, проявляющиеся в насильственных действиях при благоприятно сложившихся для эмигрантов экстремистских объединений условиях, включая социально-экономический и политический кризис.

В отличие от обычного уголовного преступления, связанного исключительно с насилием, мотивированным биологическими потребностями преступника, экстремизм является преступлением идейно-информационным, где действию сначала предшествует слово. Исходя из этого, российскую правоприменительную антиэкстремистскую практику можно расценивать как превентивную, не допускающую перехода экстремистских идей в плоскость практической реализации.

Важнейшим определяющим признаком экстремистских проявлений в информационном поле является публичность, обеспечиваемая выступлением на открытых площадках с участием двух и более человек, а также средств массовой информации и виртуальных площадок, действующих на базе сети Интернет. Эта позиция имеет огромное значение в борьбе с экстремизмом в России, поскольку автоматически снимает претензии в адрес власти о «борьбе с инакомыслием», генерируемые отдельными общественными движениями.

Личность может быть носителем совокупности любых взглядов, в том числе радикальных или даже деструктивных. Пока они не выходят за пределы его головы и не приобретают публичный характер, никаких санкций со стороны правоохранительных органов в его отношении применяться не будет. Как только эти взгляды начинают транслироваться на любой публичной площадке, так их распространитель попадает под действие антиэкстремистского законодательства, которое, вопреки мнению отдельных представителей упоминавшихся общественных движений, не противоречит российской Конституции, а полностью соответствует духу и букве ряда ее статей (п. 5 ст. 13, п. 2 ст. 29 Конституции РФ).

В России на законодательном уровне указывается на приоритет мер, направленных на профилактику экстремистской деятельности, а также на важность взаимодействия государственных органов с институтами гражданского общества (конфессиями, национально-культурными объединениями и иными общественными объединениями), активными и ответственными гражданами в противодействии экстремизму. Так, в действующей Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [10] концептуально закрепляется приоритетность профилактики экстремизма, по отношению к уголовно-правовым методам. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» в ст. 2 [13] в числе основных принципов противодействия экстремистской деятельности указывает приоритет мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, а также на необходимость сотрудничества государства с общественными и религиозными объединениями, иными организациями, гражданами в противодействии экстремистской деятельности.

Крайней формой экстремизма считается терроризм, понимаемый как уголовно наказуемое публичное использование насилия в целях дестабилизации

деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений. При этом речь в законе идет не только о самом насилии, но и об угрозе применения данного насилия [12].

Среди террористических преступлений присутствуют не только и не столько сами террористические акты, сколько вовлечение и вербовка в террористические организации, участие в них, их финансирование, распространение материалов террористических организаций и т. п.

Однако международный и отечественный опыт противодействия терроризму свидетельствует о том, что силовые методы способны предупредить лишь конкретную угрозу совершения террористического акта. Для радикального снижения угрозы терроризма необходимо разрушить саму систему его воспроизводства, основу которой составляет идеология терроризма, её носители, а также каналы распространения. То есть огромное значение имеет профилактическая работа, главной целью которой является снижение уровня радикализации различных групп населения, прежде всего молодежи, и недопущение их вовлечения в террористическую деятельность. Данная работа предполагает реализацию ряда мер по формированию у населения Российской Федерации антитеррористического сознания; совершенствование мер информационно-пропагандистского характера и защиты информационного пространства Российской Федерации от идеологии терроризма; развитие организационных и иных мер, направленных на повышение результативности деятельности субъектов противодействия терроризму [2].

Справедливым будет утверждение, что ключевую роль в противодействии экстремизму и идеологии терроризма играет не столько борьба правоохранительных органов с преступлениями экстремистской и террористической направленности, сколько совместные усилия органов государственной власти и институтов гражданского общества по предупреждению экстремистских проявлений среди различных групп населения. Правоохранительные органы по роду своей деятельности имеют дело с уже свершившимся фактом правонарушения и с правонарушителем, как носителем сформированной экстремистской социально-психологической установки и мировоззрения. Главным же в противодействии экстремизму остается профилактика, предупреждение формирования экстремистского сознания и последующих экстремистских и его крайних, террористических проявлений. Также следует учитывать, что профилактика экстремизма включает в себя комплекс мер, направленных на предупреждение межнациональных (межконфессиональных) и иных социальных конфликтов в рамках региона, реагирование на действия и высказывания, которые могут находиться вне сферы юридической оценки, не попадать под уголовную или административную ответственность.

По уровню глубины воздействия на целевую аудиторию меры профилактики экстремизма можно разделить на два уровня. Во-первых, – уровень превентивных мер, или «оперативная профилактика». Под этим мы подразумеваем комплекс мер, направленных на раннее выявление и устранение условий, способствующих дальнейшему развитию экстремистских проявлений. К данному уровню относятся:

- а) мониторинг внешнего вида, поведения, используемой символики и высказываний;
- б) выявление фактов вовлеченности лиц в экстремистские и деструктивные группы;

в) выявление мировоззренческих и социально-психологических установок экстремистской направленности.

Во-вторых, – уровень собственно профилактических мер, или «глубинная профилактика». К нему относится система мер, направленных на формирование позитивных мировоззренческих и социально-психологических установок средствами просвещения и воспитания.

Анализ суммы современных теоретических представлений и практических результатов предполагает выделение определенных моделей профилактики экстремизма. Во-первых, это модель, основанная на информировании широкого круга лиц об ответственности за совершение преступлений и административных правонарушений экстремистской направленности («*модель информирования*»). В основе данной модели лежит идея общего предупреждения (превенции) как воздействия на сознание потенциальных правонарушителей и стимулирования законопослушного поведения. Реализация такой модели подразумевает проведение профилактических мероприятий в форме лекций, собраний, выступлений в средствах массовой информации, в ходе которых представители правоохранительных органов, органов государственной власти и местного самоуправления, институтов гражданского общества, педагоги, работники культуры и социальные работники разъясняют нормы закона, новеллы законодательства в сфере противодействия экстремизму и терроризму, приводят примеры привлечения к уголовной или административной ответственности за совершение преступлений и правонарушений экстремистской и террористической направленности.

Слушатели информируются о видах экстремистской деятельности, перечнях запрещенных экстремистских объединений, причинах и прогнозах распространения экстремизма, даются практические рекомендации о том, как самому не быть завербованным в различного рода экстремистские организации. Слушателям предоставляются сведения о правовых и социальных последствиях совершения экстремистских и террористических преступлений и правонарушений, о жизненных трудностях и трагедиях лиц, избравших для себя такой путь. Таким образом, доказывается неизбежность наказания за подобного рода противоправные деяния, формируется устойчивая установка на неприятие нарушения закона, в том числе и со стороны окружающих.

Данная модель имеет серьезные риски, так как излишне детализированная информация о проявлениях экстремизма, лидерах и участниках экстремистских групп может формировать ненужный интерес к их деятельности, особенно у лиц из подростково-молодежной среды. В то же время, модель информирования выполняет важную функцию идентификации подростков – участников неформальных молодежных объединений, так как, по мнению экспертов, это представляет наибольшую сложность для субъектов профилактики [4].

Подобная модель реализуется на уровне взаимодействия органов местного самоуправления муниципальных образований, региональными и муниципальными органами управления образованием с правоохранительными органами, представители которых регулярно приглашаются на встречи с педагогами и обучающимися учебных заведений.

Во-вторых, это модель, основанная на формировании психологической способности к пониманию и сопереживанию (эмпатии), так называемом интенсивном эмоциональном обучении («*модель сопереживания*»).

Данная модель рассматривает экстремизм как ксенофобическую установку [5], проявление нетерпимости к представителям иных расовых, этнических, социальных, религиозно-мировоззренческих групп. При этом в качестве основных причин формирования ксенофобии рассматриваются личные психологические факторы: недостаточная общительность, низкая самооценка, негативная оценка со стороны ближайшего окружения. У таких лиц с детского и подросткового возраста не формируется способность осмысливать собственный и чужой опыт, принимать рациональные решения в сложных стрессовых ситуациях. Это приводит к тому, что они оказываются легко подверженными чужому влиянию, стремятся быть признанными группой, даже путем совершения преступного деяния. Стремление к эмоциональному единству с группой порождает нетерпимость ко всем остальным, к этой группе не принадлежащим.

Согласно этой модели, главной группой риска становятся люди с недостаточно развитой эмоциональной сферой. Поэтому профилактическая работа должна быть направлена на развитие самоэффективности, на формирование психологической невосприимчивости к деструктивному социальному влиянию, умения управлять своими эмоциями.

Основным критическим замечанием к данной модели является тот факт, что мотивация к участию в экстремистской деятельности может быть не только психологическая, но и идейно-мировоззренческая. Иначе говоря, экстремистской идеологии оказываются подверженными лица и с нормально развитой эмоциональной сферой. Кроме этого, следует учитывать, что в традиционной российской культуре воспитания ребенка мужского пола существует ряд запретов на излишнюю эмоциональность и сопереживание.

Практика показывает, что данная модель профилактики экстремизма наиболее успешно реализуется представителями институтов гражданского общества, в первую очередь этнической и конфессиональной направленности, придерживающихся традиционных религиозных устоев и ориентированных на конструктивный диалог, как со светской частью общества, так и с другими традиционными религиозными организациями региона.

В-третьих, это модель, основанная на развитии деятельности, альтернативной экстремистским формам поведения (*«модель альтернативного замещения»*). Данная модель предполагает создание условий для реализации в социально-приемлемой форме активности лиц [11, с. 60], потенциально склонных к экстремистской деятельности в силу стремления к риску и получению ярких эмоциональных ощущений. В качестве вариантов такой активности можно выделить ряд специально создаваемых для молодежи программ, направленных на предложение разнообразных форм активности, связанной с насыщенными позитивными эмоциями, а также с реализацией потребности в самореализации. Так, ряд современных исследователей экстремизма в общественно-политической сфере отмечают, что проявления коррупции способны выступать причинами укрепления позиций экстремистов внутри гражданского общества. Поэтому профилактика экстремизма в социальной среде предполагает мотивацию населения к конструктивной социальной активности [7, с. 173].

Внутри данной модели существует две ее основные разновидности, которые необходимо учитывать и оценивать с точки зрения целесообразности и эффективности.

Во-первых, эта модель профилактики предполагает ведущую роль традиционных институтов социализации, она ориентирована на сокращение неконтролируемого пространства социализации подростка и молодого человека. У этого варианта модели профилактики есть серьезный недостаток, связанный с авторитарным стилем управления, снижением социальной активности подростков и молодежи, игнорированием их личных интересов. Данный вариант модели профилактики не позволяет в полной мере прогнозировать и управлять латентными процессами в подростково-молодежной среде, например, появлением и функционированием неформальных групп.

Во-вторых, данная модель профилактики предполагает создание и внедрение в подростково-молодежные, образовательные и иные среды позитивно ориентированных форм социальной активности, формирование социально-культурной активности личности на основе включения в культуротворческие созидательные активности [4, с. 44], формирование устойчивых ценностно-мировоззренческих установок, противоположных экстремистской идеологии.

Это – наиболее сложный вид модели профилактики экстремизма, так как включает в себя разноплановую работу по снижению или разрушению деструктивного потенциала экстремистских групп и субкультур, а также – по созданию новых групп, субкультур и ценностно-мировоззренческих установок позитивной направленности, формированию позитивного общественного настроения, ценностно-мировоззренческих установок патриотизма, верности долгу, лояльности к органам власти и силовым структурам. Например, это могут быть лекции, посвященные истории спецподразделения антитеррора, «уроки мужества», приуроченные ко Дню солидарности в борьбе с терроризмом, Дню памяти, выполнявших долг за пределами Отечества, Дню героев Отечества и другим памятным датам и Дням воинской славы России.

К отдельной группе относятся темы просветительского характера, направленные на формирование у слушателей толерантного отношения к представителям различных этнических, религиозных, социальных групп.

Для подростково-молодежной аудитории востребованы беседы, посвященные информационной безопасности, в рамках которых рассматриваются технологии манипуляции в молодежных виртуальных сообществах, способы противодействия виртуальному экстремизму и деструктивной деятельности в киберпространстве [6].

Сотрудникам органов местного самоуправления, представителям педагогической общественности и работникам культуры могут быть адресованы занятия, посвященные организации мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений и раннему предупреждению конфликтных ситуаций, особенно – в молодежной среде [14, с. 115], способам урегулирования межнациональных и межконфессиональных конфликтов, профилактике вовлечения молодежи в ряды псевдорелигиозных, экстремистских и террористических организаций, формированию культуры межнационального общения как фактору противодействия идеологии националистического экстремизма. Особое место уделяется темам, связанным с практическими вопросами социокультурной адаптации мигрантов, влияния на этноконфессиональную ситуацию миграционных процессов, проблемам государственной национальной и миграционной политики. Все встречи, беседы и лекции проводятся с привлечением широкого

круга экспертов и специалистов из числа научно-педагогических работников ведущих образовательных организаций высшего образования.

Таким образом, действенная система профилактики экстремистских проявлений предполагает взаимодействие органов государственной и муниципальной власти с представителями гражданского общества, общественными объединениями и религиозными организациями. Данная система включает в себя вышеназванные модели профилактики экстремизма и требует дальнейшего развития, в первую очередь через совершенствование методики проведения профилактических мероприятий, привлечение новых общественных объединений конструктивной направленности, поскольку новейшая мировая история показывает, что различные экстремистские идеологии, представляющие серьезную опасность для государства как института, постоянно видоизменяются, а идеологи движений экстремистской направленности всегда ориентируются, прежде всего, на молодежь [8; 16].

1. Грибанов Е.В. Школьное насилие: меры профилактики и контроля (по материалам экспертного опроса) // Социологические исследования. – 2016. – № 7. – С. 77–81.

2. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы (утвержден Президентом Российской Федерации 28 декабря 2018 г. № Пр-2665) // URL: <http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/kompleksnyu-plan-protivodeystviya-ideologii-terrorizma-v.html>.

3. Костина Е.Ю., Орлова Н.А., Панфилова А.О. Состояние системы ценностей как фактор аномии в современном российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: социология. Том. 18. № 4. 2018. С. 719–730.

4. Кузьмин А.В. Социально-культурная профилактика экстремизма в молодежной среде: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Тамбов, 2012. 47 с.

5. Маланцева О.Д. Ксенофобия и молодежный экстремизм: истоки и взаимосвязи // Электронный журнал «Психологическая наука и образование» www.psyedu.ru. – 2012. – № 2. – С. 1. – URL: http://psyjournals.ru/files/53445/psyedu_ru_2012_2_Malanseva_Dozerseva.pdf.

6. Павленко С.А., Старостин А.Н. Из опыта работы общественной организации в области профилактики идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде // Профилактика экстремизма в молодежной среде: информ. сб. (спец. выпуск). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 53–61.

7. Протасевич А.А. О противодействии экстремизму в современном мире // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13, № 1. – С. 172–176.

8. Розов Н.С., Пустовойт Ю.А., Филиппов С.И., Цыганков В.В. Революционные волны второй половины XX в.: взаимосвязь геополитики, насилия и легитимности // Полис. Политические исследования. № 2. М., 2019. С. 24–40.

9. Рубан Л.С. Современное девиантное поведение и отношение молодежи к его проявлениям // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: социология. Том. 18. № 2. 2018. С. 318–333.

10. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утверждена Президентом Российской Федерации 28.11.2014

№ Пр-2753). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194160/.

11. Троцук И.В. Сохадзе К.Г. Социальная активность молодежи: подходы к оценке форм, мотивов и факторов проявления в современном российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: социология. – 2014. – № 4. – С. 58–74.

12. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ (в редакции, подготовленной на основе изменений, внесенных Федеральным законом от 18.04.2018 N 82-ФЗ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/.

13. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.06.2002 № 114-ФЗ (в редакции от 28 ноября 2018 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/.

14. Шиллер В.В. Методы диагностики и профилактики деструктивных проявлений в молодежной среде (опыт Кузбасского регионального мониторинга экстремизма и терроризма) // Современные системы безопасности – анти-террор: Материалы конгрессной части XIII Всероссийского специализированного форума (24–25 мая 2017 г.). Красноярск, 2017. С. 188–191.

15. Шиллер В.В. Направления диагностико-профилактической работы в области противодействия экстремизму и идеологии терроризма (опыт применения регионального мониторинга экстремистских настроений в молодежной среде Кемеровской области) // Противодействие идеологии терроризма в образовательной сфере и молодежной среде: Материалы Всероссийского форума (Москва, 24–25 сентября 2018 г.). М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2018. С. 63–67.

16. Шульц Э.Э. К вопросу о причинах радикальных форм социального протеста: размышления о принципах «Мальтузианской ловушки» и демографических факторах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: социология. Том. 17. № 2. 2017. С. 180–191.

17. Slisovskiy D.E., Medvedev N.P. International security challenges in the perception of Russian students // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: социология. Том. 18. № 3. 2018. С. 443–451.

References

1. Griбанov E.V. Shkol'noe nasilie: mery profilaktiki i kontrolya (po materialam e'kspertnogo oprosa) // Sociologicheskie issledovaniya. – 2016. – № 7. – S. 77–81.

2. Kompleksnyj plan protivodejstviya ideologii terrorizma v Rossijskoj Federacii na 2019–2023 gody (utverzhden Prezidentom Rossijskoj Federacii 28 dekabrya 2018 g. № Pr-2665) // URL: <http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/kompleksnyy-plan-protivodeystviya-ideologii-terrorizma-v.html>.

3. Kostina E. Yu., Orlova N.A., Panfilova A.O. Sostoyanie sistemy cennostej kak faktor anomii v sovremennom rossijskom obshhestve // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: sociologiya. Tom. 18. № 4. 2018. S. 719–730.

4. Kuz'min A.V. Social'no-kul'turnaya profilaktika e'kstremizma v molodezhnoj srede: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. Tambov, 2012. 47 s.

5. Malanceva O.D. Ksenofobiya i molodezhnyj e'kstremizm: istoki

i vzaimosvyazi // E'lektronnyj zhurnal «Psixologicheskaya nauka i obrazovanie» www.psyedu.ru. – 2012. – № 2. – S. 1. – URL: http://psyjournals.ru/files/53445/psyedu_ru_2012_2_Malanseva_Dozorseva.pdf.

6. Pavlenko S.A., Starostin A.N. Iz opyta raboty obshhestvennoj organizacii v oblasti profilaktiki ideologii e'kstremizma i terrorizma v molodezhnoj srede // Profilaktika e'kstremizma v molodezhnoj srede: inform. sb. (spec. vypusk). – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2018. S. 53–61.

7. Protasevich A.A. O protivodejstvii e'kstremizmu v sovremennom mire // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. – 2019. – T. 13, № 1. – S. 172–176.

8. Rozov N.S., Pustovojt Yu.A., Filippov S.I., Cygankov V.V. Revolyucionnye volny vtoroj poloviny XX v.: vzaimosvyaz' geopolitiki, nasiliya i legitimnosti // Polis. Politicheskie issledovaniya. № 2. M., 2019. S. 24–40.

9. Ruban L.S. Sovremennoe deviantnoe povedenie i otnoshenie molodezhi k ego proyavleniyam // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: sociologiya. Tom. 18. № 2. 2018. S. 318–333.

10. Strategiya protivodejstviya e'kstremizmu v Rossijskoj Federacii do 2025 goda (utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii 28.11.2014 № Pr-2753). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194160/.

11. Trocuk I.V. Soxadze K.G. Social'naya aktivnost' molodezhi: podxody k ocenke form, motivov i faktorov proyavleniya v sovremennom rossijskom obshhestve // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: sociologiya. – 2014. – № 4. – S. 58–74.

12. Federal'nyj zakon «O protivodejstvii terrorizmu» ot 06.03.2006 № 35-FZ (v redakcii, podgotovlennoj na osnove izmenenij, vnesennyx Federal'nyj zakonotom ot 18.04.2018 N 82-FZ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/.

13. Federal'nyj zakon «O protivodejstvii e'kstremistskoj deyatel'nosti» ot 25.06.2002 № 114-FZ (v redakcii ot 28 noyabrya 2018 g.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/.

14. Shiller V.V. Metody diaġnostiki i profilaktiki destruktivnyx proyavlenij v molodezhnoj srede (opyt Kuzbasskogo regional'nogo monitoringa e'kstremizma i terrorizma) // Sovremennye sistemy bezopasnosti – antiterror: Materialy kongressnoj chasti XIII Vserossijskogo specializirovannogo foruma (24–25 maya 2017 g.). Krasnoyarsk, 2017. S. 188–191.

15. Shiller V.V. Napravleniya diagnostiko-profilakticheskoj raboty v oblasti protivodejstviya e'kstremizmu i ideologii terrorizma (opyt primeneniya regional'nogo monitoringa e'kstremistskix nastroenij v molodezhnoj srede Kemerovskoj oblasti) // Protivodejstvie ideologii terrorizma v obrazovatel'noj sfere i molodezhnoj srede: Materialy Vserossijskogo foruma (Moskva, 24–25 sentyabrya 2018 g.). M.: Izdatel'stvo «MGIMO-Universitet», 2018. S. 63–67.

16. Shul'c E'.E'. K voprosu o prichinax radikal'nyx form social'nogo protesta: razmyshleniya o principax «Mal'tuzianskoj lovushki» i demograficheskix faktorax // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: sociologiya. Tom. 17. № 2. 2017. S. 180–191.

17. Slisovskiy D.E., Medvedev N.P. International security challenges in the perception of Russian students // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: sociologiya. Tom. 18. № 3. 2018. S. 443–451.

UDC 323.28

DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.107117

PREVENTION OF EXTREMIST MANIFESTATIONS: THEORETICAL BASES AND PRACTICAL MODELS

Starostin Aleksey Nikolayevich,

Ural State Mining University,
Associate Professor of Theology,
Ural Federal University,
Associate Professor of Archeology and Ethnology,
Candidate of History,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: alisheria@mail.ru

Suslonov Paul Evgenievich,

Ural State Mining University,
Associate Professor of Theology,
Ural Federal University,
Associate Professor of Organization of Work With Youth,
Candidate of Philosophy,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: r.suslonow2010@yandex.ru

Shiller Vadim Viktorovich,

Kemerovo State Medical University,
Associate Professor of History,
Candidate of History,
Kemerovo, Russia,
E-mail: shiller.vadim@yandex.ru

Annotation

In article the main forms and methods of activities for prevention and prevention of extremist manifestations among various categories of the population in the Russian Federation applied by bodies of the state and municipal authority together with institutes of civil society are analyzed. Classification of actions of anti-extremist orientation by the level of depth of impact on target audience is given and also the theoretical description of the models of prevention which developed in various regions of the country is given.

Keywords:

prevention, extremism, terrorism, radicalism, disruptiveness.
